

Т В О Р Е Н І Я
П И Н Д А Р А.

ТВОРЕНІЯ ПИНДАРА,

*переведенныя
Павломъ Голенищевымъ Кутузовымъ,*



МОСКВА,
въ Типографіи Платона Бекетова.
1803.

Т В О Р Е Н І Я П И Н Д А Р А,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ

ПАВЛОМЪ ГОЛЕНИЩЕВЫМЪ КУТУЗОВЫМЪ,

СЪ РАЗНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ОБЪЯСНЕНІЯМИ НА ЛИРИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРСТВО, НА БАСНОСЛОВІЕ, НА ИСТОРИЮ ГРЕКОВЪ, ИХЪ ИГРЫ, ПРАЗДНЕСТВА И ПРОЧ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

С О Д Е Р Ж А Щ А Я
О Д Ы О Л И М П И Ч Е С К І Я.

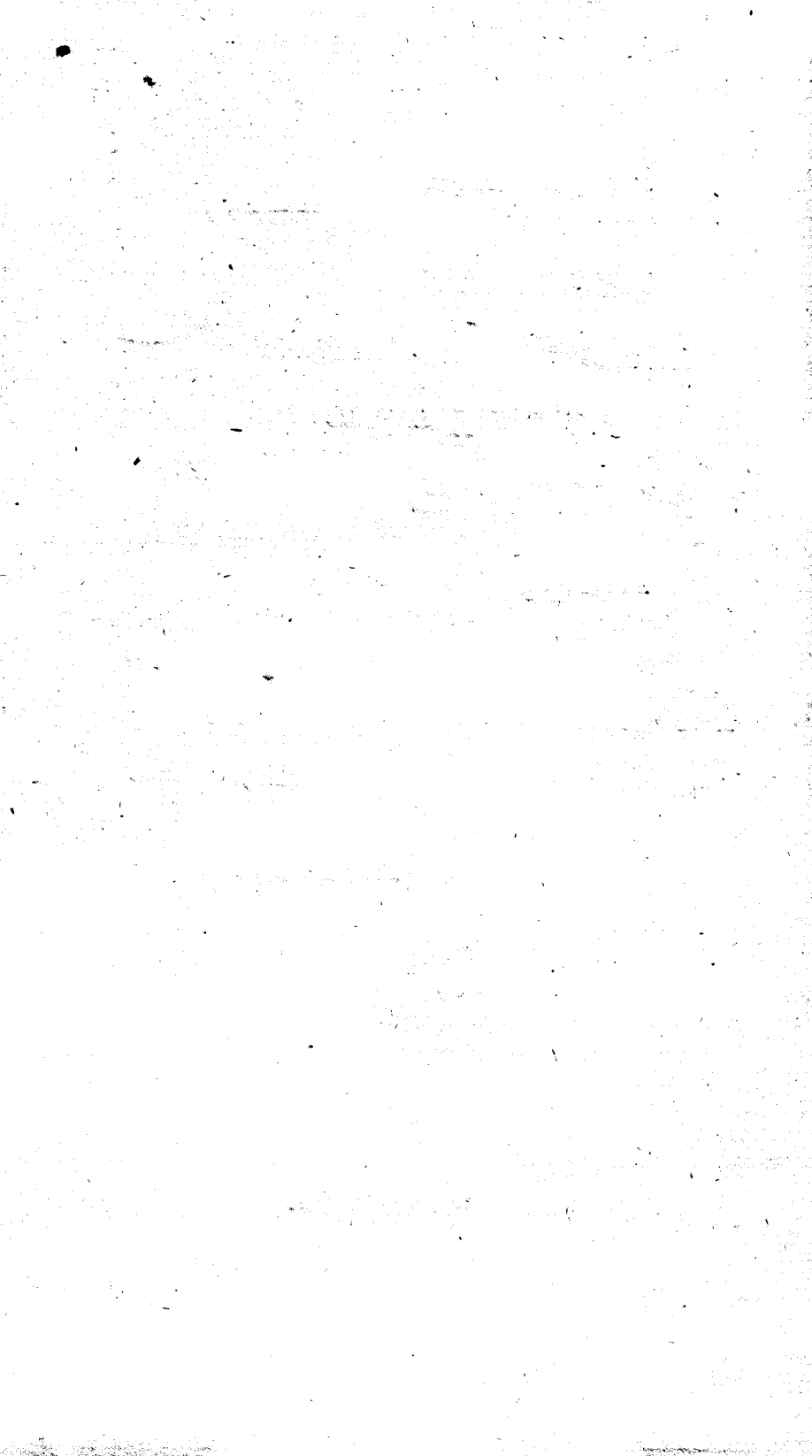
М О С К В А,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛАТОНА БЕКЕТОВА.
1804.

Съ дозволенія Московскаго Гражданскаго Губернатора.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ
ГОСУДАРЮ
АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,
ИМПЕРАТОРУ
И
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ,
И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ,

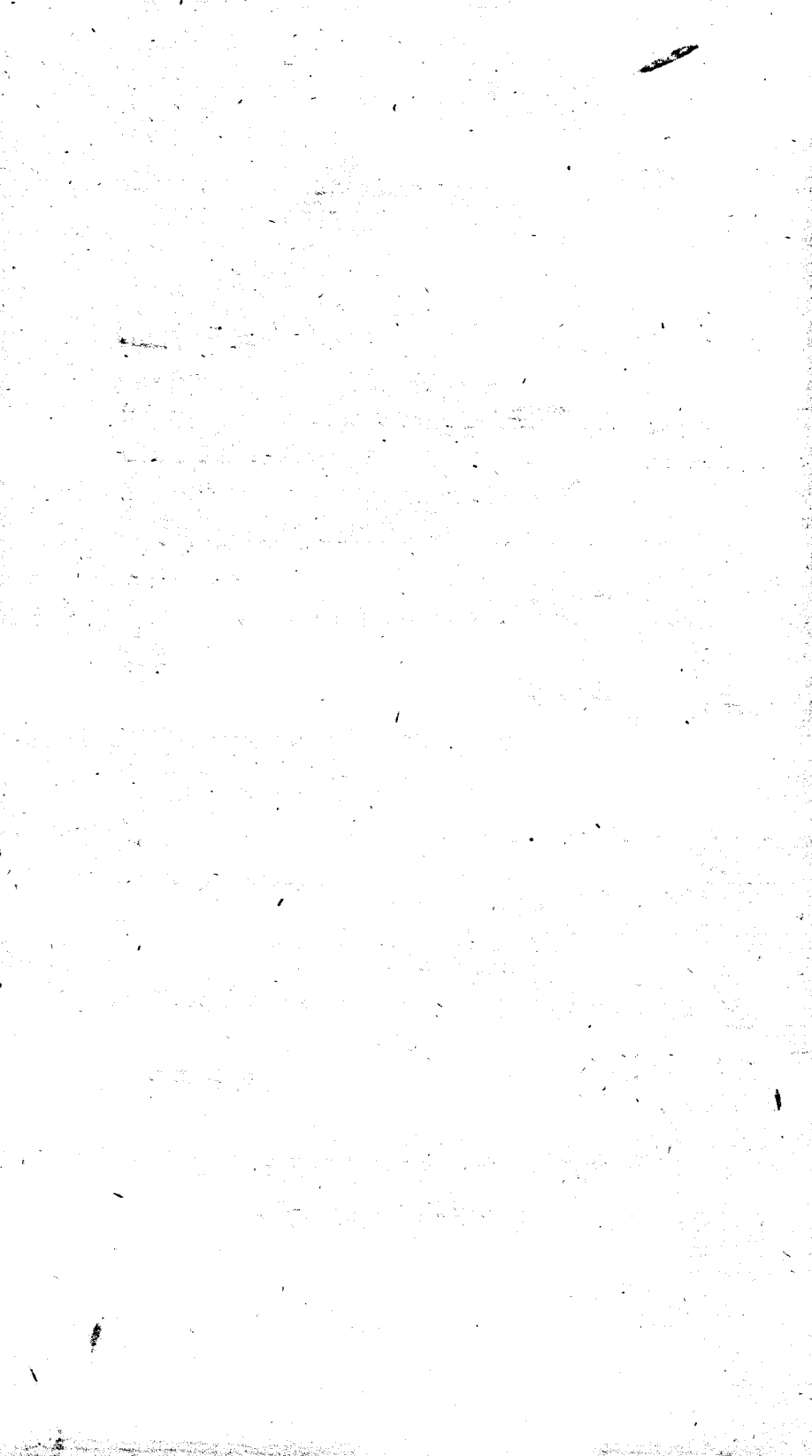
Съ благоговѣніемъ посвящаетъ

Павель Голенищевъ Купузовъ.



О Солнце Росскихъ спранѣ! сладчайшей теп-
лопою

Живишь науки ТЫ, и множишь ихъ плоды!
Воззрѣньемъ оживленъ, ущедренный ТОБОЮ
ТЕБѢ дерзаю въ даръ принести мои труды.
Творенья громкія безсмертнаго Пиндара,
Толь слабо преложа, въ спремленіи моемъ
Боялся бѣ учаспи я грозныя Икара,
Когда бы не былъ я согрѣтъ ТВОИМЪ лучемъ.
ТВОЕЮ милостью всѣ чувства восхищенны,
Она моимъ спрунамъ и огонь и жизнь дала.
Когда бы самъ Пиндаръ жилъ въ наши дни
блаженны,
Онъ громкобы воспѣлъ, МОНАРХЪ, ТВОИ дѣла
Но можешь ТЫ руки единымъ мановеньемъ
Пиндаровъ произвести средь хлада и снѣговъ;
ТЫ самъ прославишься ихъ лиръ безсмерт-
нымъ пѣньемъ,
И будешь дивомъ ТЫ грядущихъ всѣхъ въ-
ковъ.



ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Естьли кто здравомыслящими очами обозрѣвалъ обширное поле словесныхъ наукъ и проходилъ по-вѣсть постепеннаго ихъ возраста отъ самаго ихъ начала до нашихъ временъ, таковой конетно уже убѣдился, что основаніе истинной учености положили древніе такъ называемые классическіе писатели. Мы, живущіе въ просвѣщенномъ вѣкѣ, думающіе, что науки и вкусъ доведены у насъ до возможнаго совершенства, не можемъ не удивляться красотамъ Гомера, не можемъ не услаждаться плавностію Виргилія, не можемъ не восхищаться пылкими пареніями Пиндара и прот. Опложа всякое пристрастіе къ нашему вѣку, должны мы признаться, что всѣ сіи писатели преисполнены духа, силы и витійства неподражаемыхъ, и что тѣмъ ближе кто изъ нынѣшнихъ писателей подходитъ къ симъ образователямъ словесности и поэзіи, тѣмъ ближе онъ бываетъ къ совершенству. А потому убѣдясь въ сихъ истинныхъ, всѣ просвѣщенные Европейскіе народы, сдѣлавшіе успѣшныя въ учености шаги, потли за необходимо нужное не токмо имѣть классическихъ авторовъ по одному переводу, но даже и по нѣскольку; и каждый переводчикъ ревновалъ превзойти въ семъ трудѣ своего предшественника.

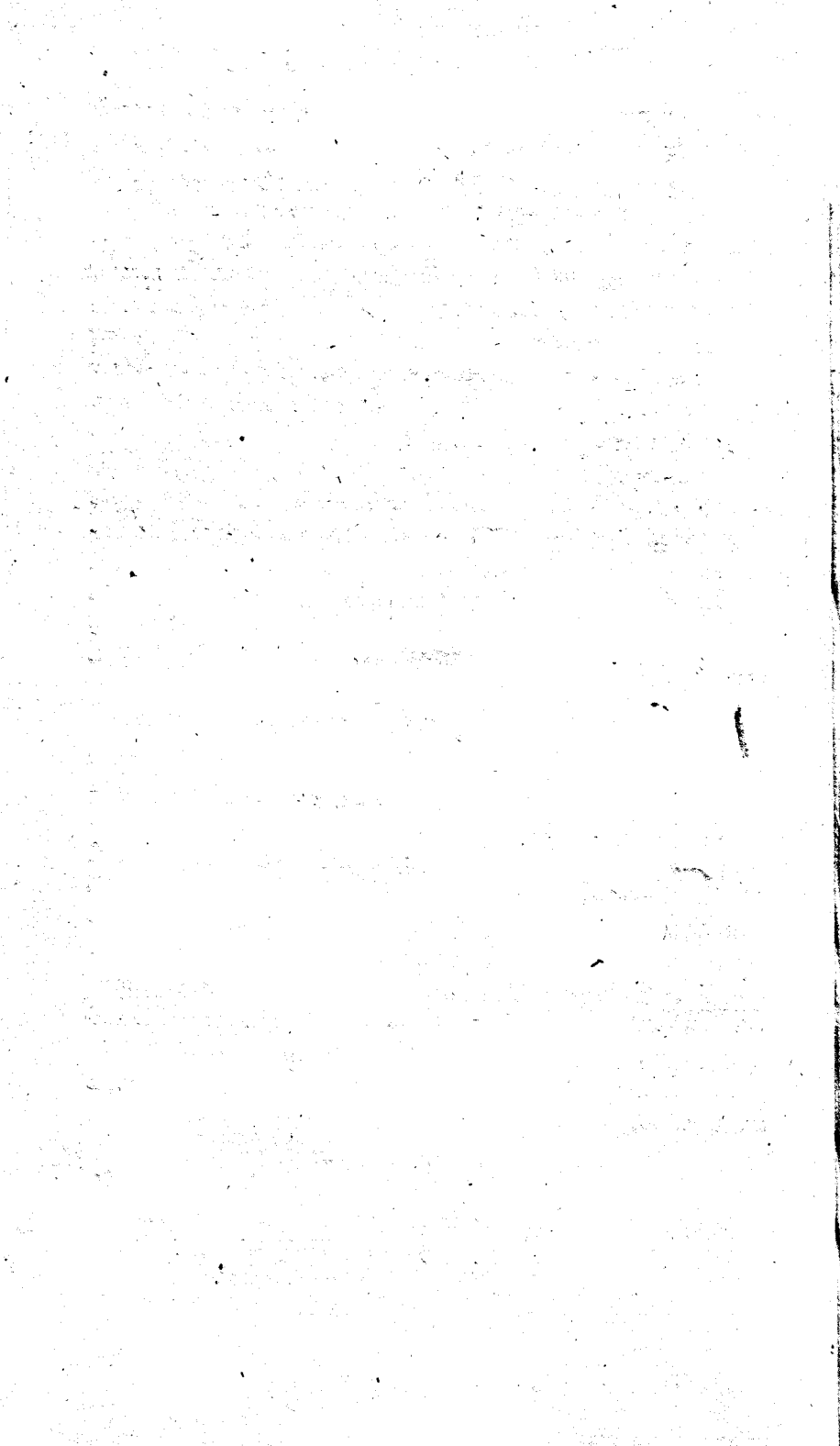
Мы не можемъ еще похвалиться, чтобы у насъ хотя одинъ полный и исправный существовалъ переводъ какова либо классическаго автора, хотя намъ болѣе, нежели другимъ народамъ сіе нужно, потому что въ воспитаніе нашего юношества весьма у рѣдкихъ входятъ языки Латинскій и Греческій, мо-

гуція доставить возможность въ подлинникѣ, типать сихъ авторовъ, безъ познанія коихъ не можетъ теловѣкъ назваться основательно усенымъ и полутипъ екусъ, нужный не токмо для пріобрѣтенія способностей писателя витіи и стихотворства, но не можетъ даже правильно выражать своихъ мыслей и образовать на бумагѣ какого либо важнаго дѣла на-терпаніе. А отъ сего невѣденія о классическихъ авторахъ ежедневно разливается наводненіе дурныхъ сотиненій и въ стихахъ и въ прозѣ, спрокъ съ рифмами, не только пустыхъ и никакихъ мыслей не заключающихъ, но даже противу правилъ грамматическихъ писанныхъ; смѣшно даже типать, что въ нѣкоторыхъ сотиненіяхъ молодые писатели упоминаютъ имена Гомера, Горация и проч. коихъ они никогда и не типывали. Сему я имѣлъ ясное доказательство; протипавъ изрядные списки одного юноши, и желая ободрить его къ продолженію его упражненій, похвалилъ я его: такъ какъ въ его стихахъ между прочимъ упомянуто было о имени Пиндара, то я и спросилъ молодого автора, типывалъ ли онъ его когда нибудь? Онъ признался, что никогда не типалъ, и потому только упомянулъ его, что видалъ тасто сіе имя въ одахъ Ломоносова. Я совѣтовалъ сему молодому теловѣку, для усовершенствованія возникающихъ его дарованій, прилѣпиться ко всѣмъ классическимъ акторамъ вообще, и думаю, что ежели онъ сіе исполнитъ, а приплюмъ совѣтоваться будетъ съ опытными людьми, то со временемъ будетъ писать изрядно.

Размышленіе о положеніи нашей словесности, не имѣющей еще ни одного перевода полнаго классического автора и благородный подвигъ Иператорской Россійской Академіи, предпріявшей обогатить

наше слово переводами сихъ авторовъ, раздавъ оныхъ для перевода каждому изъ ея сотленовъ, возбудили во мнѣ желаніе сему достохвальному труду, по мѣрѣ силъ моихъ, содѣйствовать. Не смѣлъ бы я никогда рѣшиться на дѣло толь трудное, каково есть преложеніе Пиндара, если бы не ободренъ былъ къ тому вообще всею Россійскою Академіею, коей я представилъ двѣ мною переведенныя Пиндаровы оды. Пате же обязанъ я много благопріятному и снисходительному поощренію постеннаго оной Академіи Предсѣдателя Андрея Андреевича Нартова, которой, ревнуя о пользѣ Россійскаго слова, примѣрною своею дѣятельностію породилъ во мнѣ силу, жаръ и охоту, на совершеніе сего дѣла потребныхъ. И такъ сему мужу, познаніями и просвѣщеніемъ знаменитому, и соотечественники мои и я обязаны благодарностію за сіе изданіе, какъ и за другіе его подвиги, стремящіеся къ возведенію Россійскаго слова на степенъ, соразмѣрную его важности и богатству.

Одобреніе просвѣщенныхъ мужей, умѣющихъ цѣнить произведенія ума и стихотворства, вознаграждяпъ пате мѣры трудъ мой, тѣмъ съ болѣею неудобностію сопряженный, что всѣ оды переведены стихами и съ рифмами; знающіе же Греческій языкъ или читавшіе Пиндара въ хорошемъ переводѣ, могутъ судить, сохранены ли по возможности всѣ красоты подлинника. Главная же цѣль моя была та, чтобы, по мѣрѣ силъ моихъ, принести пользу нашей словесности, и ежели, по суду безпристрастныхъ людей, я сей цѣли достигъ, то мнѣ нитого болѣе желать не остается.



ВСТУПЛЕНІЕ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРИМѢЧАНІЯ НА ЛИРИЧЕСКОЕ
СТИХОТВОРСТВО ВООБЩЕ И НА ПИНДАРА
ЧАСТНО.

Лирическое стихотворство, изъ всѣхъ родовъ древнѣйшее, родилось отъ восторговъ, вдохновенныхъ благодарному человѣку воззрѣніемъ на чудеса Всемогущаго Творца.

Такимъ образомъ священныя наши книги представляють намъ Моисея и сеспру его Марію, по прохожденіи Чермнаго моря воспѣвающихъ, при звукѣ трубъ и пимпановъ, сію славную пѣснь, которая есть древнѣйшій и превосходнѣйшій памятникъ лирической поэзіи; изъ всѣхъ сего рода твореній, до насъ дошедшихъ, таково почто есть и свойство псалмовъ, коихъ имя отъ слова *псалейнъ* происходящее, значить пѣть, и всѣхъ пѣсней Давида, Соломона и пророковъ: “удивительная полипика Египтянъ, (такъ называется Евреевъ Платонъ, по причинѣ ихъ долгаго пребыванія въ Египтѣ) въ томъ, что они учредили праздники и пѣсни, опредѣленные для непрестаннаго воззванія человѣка къ добродѣтели; такой порядокъ вещей долженъ быть или дѣло Божіе, или дѣло божественнаго человѣка.”

Многіе ученые и просвѣщенные люди съ вѣроятіемъ утверждаютъ, что стихотворство сыновъ Израилевыхъ состоить въ единомъ выраженіи чувства и въ превосходствѣ мыслей и картинъ. Г. Дасье въ предисловіи своемъ къ одамъ Горациевымъ говоритъ: “я увѣренъ, что